

съ другими статьями, и имѣеть пропуски; помѣщено по странному, нелѣпому недоразумѣнію, въ срединѣ посторонняго сказанія о происхожденіи Половцевъ и разказа Юрты Роговича объ Югрѣ. За Поученіемъ, не имѣющимъ видимаго конца, сподрядъ, помѣщено письмо Володимира Мономаха къ Олегу Святославичу по случаю смерти сына его Изяслава на сраженіи съ симъ послѣднимъ. Что оно не имѣеть конца, читатели могутъ судить сами:

«Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть. оже бо язъ отъ рати и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадася, то никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти. Но отче добро есть блюсти, Божіе блюденъе лѣпѣе есть челоувѣческаго. О многострастный и печалны азъ! много борешися сердцемъ, и одолѣвши душѣ сердцю моему, зане тлѣнныѣ суши, помышляю, какъ стати предъ страшнымъ Судьею, кающа и смѣренна не примшимъ межю собою. Молвить бо, иже Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть, и пакы: аще не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпустить Отець вашъ небесный...»

Не можетъ быть, чтобы Поученіе оканчивалось такою отрывистою рѣчью: Божіе блюденъе лѣпѣе есть челоувѣческаго.

Точно такъ же письмо къ Олегу, начинающееся словами: о многострастный и печальный азъ, смѣшано съ молитвою, какъ замѣчено и издателемъ:

«Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая. по Бозѣ самъ услышишь: но душа ми своя лучши всего свѣта сего; на страшнѣй при безъ суперникъ обличаюся, и прочее. Премудрости наставниче, и смыслу давче, несмысленнымъ казателю и нишимъ заступниче! утверди въ разумѣ мое сердце, Владыко! ты дажь ми слово отче, се бо устнама мойма не възбрани впити ти: милостиве, помилуй падшаго. упованье мое Богъ, прибѣжище мое Христось, покровъ мой святой Духъ», и пр.

«Премудрости наставниче» и проч. — это есть уже молитва, непринадлежащая къ письму.

А въ началѣ есть еще пропускъ, для котораго въ Лаврентьевскомъ спискѣ оставлено мѣсто строки на четыре (см. ниже).

На вставку, дополненіе или по крайней мѣрѣ испорченность списка, явно указываетъ именно то мѣсто, которое относится къ происшествіямъ позднѣйшимъ:

«И потомъ пакы идохомъ къ Ростову на зиму и и по 3 зимы ходихомъ Смолинску; и се нынѣ иду Ростову. И пакы съ Святополкомъ гонихомъ по Бояцѣ... И на зиму Смолинску идохъ... Переяславлю пришедь на лѣто, собрахъ братью... идохомъ Смоленску, и потомъ идохъ Ростову. Пришедь изъ Ростова пакы идохъ на Половци и проч. и проч.

Спрашивается — какимъ образомъ могъ Володимеръ написать: и се нынѣ иду Ростову, и потомъ разказать о многихъ другихъ путяхъ по разнымъ другимъ мѣстамъ, и наконецъ опять въ Ростовъ и опять изъ Ростова?

Если писецъ могъ вставить Поученіе въ средину совершенно другаго разказа, коего начало очутилось впереди, а конецъ позади Поученія; если писецъ могъ смѣшать Поученіе съ письмомъ, которое написано было прежде Поученія, — и наконецъ присоединить къ нему особое сочиненіе: то точно такъ же онъ могъ пропустить первыя строки и перепутать различныя мѣста въ самомъ Поученіи.

Все слѣдующее послѣ словъ: «и се нынѣ иду Ростову», должно быть прибавлено послѣ; иначе: оно не вяжется ни съ этимъ выраженіемъ, ни съ разобранымъ выше вступленіемъ.

Продолжаемъ наши соображенія.

До 1099 года Мономахъ описалъ подробно всѣ свои дѣйствія, занявшія мѣсто четырехъ страницъ въ четвертку, а послѣднія (послѣ словъ: се нынѣ иду Ростову) отъ 1098 до 1113 года, т. е. 15 лѣтъ или до кончины Святополковой описаны на 9 строкахъ: о промежуткѣ отъ 1103 до 1107 г. нѣтъ ни одного слова. Собственное свое княженіе отъ 1113 до 1115, онъ разказалъ только въ четырехъ: «И потомъ къ Мѣнску ходихомъ на Глѣба, оже ны баше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихомъ свое мыш-